

***

Вячеславу Лютому

Ничто не бывает печальней,
Чем Родина в сизом дыму,
Чем свет над излучиной дальней,
Колышущий зябкую тьму.

Ничто не бывает созвучней
Неспешному ходу времён,
Чем крик журавлиный, разлучный,
Буравящий даль испокон.

И сам ты на сирой аллее
Такою ненастной порой
Вдруг станешь светлей и добрее
Средь этой тоски золотой.

Поймёшь — все концы и начала
Смешались средь поздних разлук.
И что-то в тебе зазвучало,
Когда уже кончился звук...

***

Закричу... Неотзывчивы ныне
Эти дали и эти леса.
Смолкли в сумрачной белой пустыне
Обезумевших птиц голоса.
Но среди поседевшего мрака,
Где ни возгласа и ни огня,
Что-то ухнет... Залает собака...
Может, это хватились меня?

Стылый воздух причудливо горек...
С губ слизнув ледящую бель,
Через силу взберусь на пригорок —
За пригорком всё та же метель.
Чиркну спичкою... Жалко... Погасла,
Пальцы еле заметно черня.
Всё стою, всё гляжу понапрасну —
Может, где-то хватились меня?

И в молчанье метелицы белой,
Злой предвестницы чёрных разлук,
Всё мне чудится звук оробелый,
Из молчанья родившийся звук.
Он растёт, согревая невольно
На исходе пропащего дня...
Может, это набат колокольный?
Может, это хватились меня?

...Наш примус всё чадил устало,
Скрипели ставни... Сыпал снег.
Мне мама Пушкина читала,
Твердя: «Хороший человек!»
Забившись в уголок дивана,
Я слушал — кроха в два вершка —
Про царство славного Салтана
И Золотого Петушка...
В ногах скрутилось одеяло,
Часы с кукушкой били шесть.
Мне мама Пушкина читала —
Тогда не так хотелось есть.
Забыв, что поздно и беззвёздно,
Что сказка — это не всерьёз,
Мы знали — папа будет поздно,
Но он нам Пушкина принёс.
И унывать нам не пристало
Из-за того, что суп не густ.
Мне мама Пушкина читала —
Я помню новой книжки хруст...
Давно мой папа на погосте,
Я ж повторяю на бегу
Строку из «Каменного гостя»
Да из «Онегина» строку.
Дряхлеет мама... Знаю, знаю —
Ей слышать годы не велят.
Но я ей Пушкина читаю
И вижу — золотится взгляд...

Мне не спрятать сейчас ни лица и ни глаз,
Ни в минуты прощанья, ни в миг озаренья.
Всё трещало не раз, всё сгорало не раз...
Человек — это всё ж единица горенья.

Эта песня твоя... Даже взгляды тая,
Я шептал, что тебе повторю я едва ли...
Боль разлуки — моя... И печалился я...
Человек — это всё ж единица печали.

А когда ты ушла, от угла до угла
Я ходил и бессильно заламывал руки.
И текла из угла беспросветная мгла...
Человек — это всё ж единица разлуки.

Но остался твой свет... Только в горечь одет,
Век летит... И горьки мои воспоминанья.
Столько прожито лет!.. Скрип калитки в ответ.
Человек — это всё ж единица страданья.

Где-то колокол бьёт... Милый голос поёт.
Выпью чарку вина... Прошепчу тебе что-то.
Будет голос с высот звать в последний полёт...
Человек — это всё ж единица полёта.

Узколицая тень всё металась по стареньким
сходням,
И мерцал виновато давно догоревший костёр...
А поближе к полуночи вышел отец мой в исподнем,
К безразличному небу худые ладони простёр.

И чего он хотел?.. Лишь ступнёй необутой
примятый,
Побуревший листочек всё рвался лететь в никуда.
И ржавела трава... И клубился туман возле хаты...
Да в озябшем колодце звезду поглотила вода.

Затаилась луна... И ползла из косматого мрака
Золочёная нежить, чтоб снова ползти в никуда...
Вдалеке завывала простуженным басом собака
Да надрывно гудели о чём-то своём провода.

Так отцова рука упиралась в ночные просторы,
Словно отодвигая подальше грядущую жуть,
Что от станции тихо отъехал грохочущий «скорый»,
Чтоб во тьме растворяясь, молитвенных слов
не спугнуть...

И отец в небесах...
И нет счёта всё новым потерям.
И увядший букетик похож на взъерошенный ил...
Но о чём он молился в ночи, если в Бога не верил?..
Он тогда промолчал... Ну а я ничего не спросил...

Он бредёт по бездорожью,
Звать его Иван-дурак.
На челе — отметка божья,
А на теле — божий знак.

Зимний ветер студит груди,
Рвёт позёмка волоса.
А навстречу злые люди,
Злостью полные глаза.

— Что напялил эти тряпки,
Даже водкой не согрет?
Надо б дать ему по шапке...
У него и шапки нет...

Что ответишь?.. Злые взгляды,
Злая щерится зима.
Только жалости не надо,
Жалость — это как чума.

Снег метёт... Собака лает.
И с небес неясный гул.
Но дурак чего-то знает,
Что-то Бог ему шепнул.

И бредёт по буеракам
Вот уже который век
Этот самый... С божьим зна́ком...
С божьим зна́ком человек...

***

*Фёдор Михайлович,
что вы забыли в Москве?..
Николай Переяслов*

Лев Николаевич, страшно вас нынче читать —
Где те характеры, где те мечты и порывы?
Так же чужую жену соблазняют опять,
Но в основном соблазнённые живы и лживы...

Где же, Борис Леонидыч, та горечь разлук,
Где над февральской чернильницей горькие плачи?
Те же скрещения ног и скрещения рук,
А со скрещением судеб выходит иначе.

Вас я, Марина Ивановна, не понимал,
Хоть был раздавлен мрачающим ритмом тяжёлым.
Но ведь стихам драгоценным черёд не настал...
Винам — настал... Ординарным, прокисшим,
дешёвым.

Анна Андреевна, как вы сейчас далеки!
Реквием смолк... Над державой ветра и метели.
Мир обезумел... И чудится — с левой руки
Все мы перчатку на правую руку надели.

*В годы войны на территории Беларуси
фашисты создали 14 лагерей, в которых
полностью забирали кровь у детей,
переливая её своим раненым.
Тела детишек сжигали.*

- Я з Крыніц... Жыва пакуль¹...
Зваць Алеся.
— З Докшыц я... А ты адкуль?²
— Я з Палесся...

Кровь возьмут до капли, всю,
Без разбору.
Было б восемь Михасю,
Шесть — Рыгору.

А Алесе скоро семь...
Время мчится.
Было б лучше им совсем
Не родиться.

Горе-горюшко родне...
Крови алость,
Что немецкой солдатне
Доставалась.

В госпитальной чистоте
Бывшей школы
Перелили в вены те
Кровь Миколы.

---

¹Пакуль (бел.) — пока.

²Адкуль (бел.) — откуда.

Заживляла след от пуль
Кровь Алеси,
Что шептала:
— *Ты адкуль?*
Я — з Палесся...

И фашист, набравшись сил,
Встав с кровати,
Нет, не «*мутер*»³ говорил,
Плакал: «*Маці...*»

И не мог никак понять,
Хромоножка,
Почему назвать кровать
Тянет «*ложкам*»⁴?

Ведь не знал он этих слов...
Как, откуда
У немецких докторов
Вышло чудо?

Не понять ему — бандит —
В мракобесье:
Кровь Миколы говорит,
Кровь Алеси...

---

³Мутер (нем.) — мама.

⁴Ложак (бел.) — кровать.

Бредёт навстречу дряхленький Мирон,
Ещё с войны контуженный, живучий.
Извечный завсегда́й похорон
Других солдат, что в мир уходят лучший...

Он сдал в музей медаль и ордена,
Он потерял жену, а с ней — рассудок.
И встречного «Закончилась война?..» —
Пытает он в любое время суток.

«Да-да, Мирон, закончилась... Прости,
Что мы тебе об этом не сказали...»
Он расцветает... И звенят в горсти
Монеты на бутылку от печали.

Бутылка так... На первом же углу
Он встречного о том же спросит снова:
«Закончилась?..» Морщинки по челу
От радости бегут не так сурово.

Проклятый век... Шальные времена...
В соседней Украине гибнут дети.
А здесь Мирон: «Закончилась война?..»
И я не знаю, что ему ответить...

***

Вновь золу разносит по земле,
Вместе с нею — терпкий запах гари.
Но не говорите о золе,
Говорите лучше о пожаре.

Пусть золой проулочек пропах,
Где на плач сменяется молчанье.
Но не говорите о слезах,
Говорите лучше о рыданье.

Хоть тонка связующая нить
И оборвались иные нити,
О словах не надо говорить,
Вы о песне лучше говорите.

А когда на меркнувшей заре
В подреберье боль ударит снова,
Зашипит слезиночка в золе,
Принесёт немолвленное слово.

Всё бренно и всё мгновенно,
Нам вечности не продлят.
Из вечного — взгляд и пена,
Но всё-таки лучше взгляд.

Он чьей-то души осколок,
Взгляд, брошенный из-под век.
Пусть злобен и пусть недолог,
Он глаз твоих не избег.

Взглянувший, с походкой лисьей,
К чужому несчастью — слеп.
Из бренного — хлеб да листья,
Но всё-таки лучше хлеб.

Пусть корочкой смехотворной,
Пусть крошками, пусть трухой.
От чёрного горя — чёрный,
От ржавой муки — сухой.

В кармане потёртой свитки
Нашарить его успеть...
Из сущего — смерть и пытка,
Но всё-таки лучше смерть.

И пусть золотые зори
На брызги дробит роса.
Memento... Memento mori...
И звёздная пыль в глаза.

Памяти мамы

1

Птицы громко кричали о том, что ты тихо ушла,
Замолкали на миг... И встревоженно снова кричали.
И не видела света внезапно наставшая мгла.
Только птицы кричали... Испуганно птицы кричали.

Мне бы вздрогнуть от боли, но кожа моя запеклась
И молчанья свинец опалил воспалённое горло.
И гремучий осколок порвал нашу зыбкую связь,
И зловещая ночь над бедой моей крылья простёрла.

И какие-то люди в двойной, непрозрачный чехол
Положили твоё голубое прозрачное тело...
Погасили свечу... Но цветок в изголовье расцвёл,
И неясная сила в тяжёлом бутоне вскипела.

Мы назавтра пришли... Через ужас назавтра пришли...
Там лежала не ты, а твоя оскорблённая бренность.
И узнать не смогли ни единой родимой черты,
Лишь на плечи легла чёрных дней роковая согбенность.

Почему, почему в этот год всё случилось не так,
Как мечталось, когда стекленели февральские льдинки,
И казался проблемой какой-то извечный пустяк...
А сейчас чередою — поминки, поминки, поминки?..

Будто съёжилось небо со всех погребальных сторон
И на ватных ногах чуть плетётся согбенное тело.
Но цветёт и не чахнет всё тот же багряный бутон,
И глядит мне в глаза, как недавно мне мама глядела.

2

Мамино наследство... Старенькая кружка,
Полкатушки ниток, ножницы и плащ.
Да с гусиным пухом смятая подушка,
Где забился в перья одинокий плач.

Многое мне, мама, видится иначе,
Нынче не поплакать полночью, вдвоём...
Мне опять не спится на измятом плаче,
Как всегда, неслышном плаче на твоём...

3

Мне без мамы и дышать нелегко,
Нынче мама высоко-высоко...
Спросит с неба: «Ты опять нездоров?!»
И не нужно мне других докторов.

Мне без мамы тяжело говорить,
Оборвалась пуповинная нить.
Бьют осколки... Недолёт... Перелёт...
Это мама мне солгать не даёт.

Мне без мамы эти травы топтать,
И без мамы мне её понимать,
Хоть без мамы я не чую земли,
Будто горем мне подошвы сожгли.

Мама видится росинкой в цветке,
Огонёчком, что мелькнул вдалеке,
Причитаньем: «Наглядеться бы впрок...
Не спеши ко мне подольше, сынок!...»

Вначале шагал я несмело,
Но, делаясь снега белей,
Мне матушка песню пропела,
И враз зашагалось смелей.

Искрили полночью звёзды,
Кричал полоумный петух...
Мне матушка пела... И воздух
Сиял и светился вокруг.

Лез в драку... Но только за дело.
«Ты прав, но старайся без драк...» —
Мне матушка будто пропела,
Примочку кладя на синяк.

Сменялись за зорькою зорька,
Свой след оставляя в душе.
Мне матушка пела... И горько
Не так становилось уже.

И прежде чем брэнное тело
Навек вознести в небеси,
Мне матушка песню пропела:
«И больше, сынок, не проси...»

Напрасно молю я: «Воскресни!...», —
Бессильно упав на траву,
Не зная — без маминой песни
Живу или нет, не живу?

Не согрел кипяток,
Да и водкой уже не согреться,
Тепловозик угрюмый
        в тупик мой вагон отволок...
Что-то ноет в груди,
        но не сердце, а около сердца,
Сердцу вроде не сроки...
Хоть, впрочем, а где этот срок?..
И в ладонную глубь
Стылый лоб опуская знакомо,
Всё спешу окунуться
в мелодию прожитых лет.
Вот я в детстве стою,
        но не в доме, а около дома,
И над мамой мерцает
Какой-то серебряный свет.
Там дерутся грачи...
Там ручьи распевают стозвонно,
Там нехоженых тропок
        побольше, чем в свете — сторон.
Но сегодня я здесь —
        не в вагоне, а возле вагона,
И подножка на уровне сердца
Взрезает перрон.
Всё коварнее склон.
Позади — буераки да ямы,
И обида змеёю
        вползает в сердечный сосуд...
Я останусь навек,
        но не с мамой, а около мамы,
Там, где тихие сосны,
        да Вечность,
        да Праведный суд...

Кто там плачет и кто там хохочет,
Кто там просто ушёл в облака?
То ли кречет кричит, то ли кочет...
То ли пропасть вдали, то ль река...
И гадаю я, тяжко гадаю —
Не поможет здесь даже Господь, —
Где прошли мои предки по краю,
Чем томили суровую плоть?
Зажимаю в ладонях монетку
И бросаю в бездонье пруда —
Робкий знак позабытому предку,
Чтобы молвил — откуда?.. Куда?..
И вибрирует гул непонятный
Под ладонью, прижатой к земле,
И какие-то сизые пятна
Растворяются в сумрачной мгле.
И вдруг чувствую, дрожью объятый,
Посреди перекрестья дорог,
Как ордою идут азиаты
На восток... На восток... На восток...
Но не зрится в прозрениях редких,
Что похожи на детский наив, —
То ль с ордою идут мои предки,
То ль с дружиной, орды супротив?
И пока в непроявленной дали
Растворяются тени теней,
Чую — токи идти перестали,
А вокруг — всё мрачней и темней.
И шатаюсь я вдоль раздорожий,
Там, где чавкает сохляя гать,
И всё Бога пытаю: «Я — божий?..»
А Господь отвечает: «Как знать...»

***

То ли это судьба... То ли так, по наитью,
Я забрёл в этот маленький камерный зал...
Помню женщину в белом... И мальчика Митю,
И оркестрик, что Моцарта тихо играл.

Крепко спал билетер... Никаких декораций.
Прямо в сердце со сцены лилась ворожба.
Мне казалось — вот так Ювенал и Гораций
Тоже звукам внимали, а муза ждала.

Я спешил... И ушёл посреди перерыва,
Тихо вышел, прикрыв осторожную дверь.
И во след мне сквозь окна плыла сиротливо
Эта музыка частых разлук и потерь.

Есть предел... Но есть нечто ещё за пределом,
И являются, если с душой не в ладу,
Этот камерный зал... Эта женщина в белом...
Этот стриженный мальчик в десятом ряду.